

Научная статья
УДК 574: 338.43(09)
doi: 10.17223/15617793/517/18

Использование зарубежного научно-производственного опыта в сельском хозяйстве СССР в период «оттепели»

Александр Васильевич Рычков¹

¹ Омский государственный технический университет, Омск, Россия, alex-rychkov@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена проблема применения зарубежных аграрных научно-производственных достижений в СССР. Привлечение новых источников позволило установить, что в эпоху «оттепели» заимствованные научно-управленческие решения и конкретные агромероприятия внедрялись без учета как организационной специфики советского сельского хозяйства, так и природно-климатических особенностей регионов нашей страны. По мысли автора, это вело к снижению производственных показателей, ухудшению продовольственного снабжения населения.

Ключевые слова: аграрная наука, сельское хозяйство, научно-производственный опыт, Р. Гарст, Н.С. Хрущев, СССР

Для цитирования: Рычков А.В. Использование зарубежного научно-производственного опыта в сельском хозяйстве СССР в период «оттепели» // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 517. С. 164–170. doi: 10.17223/15617793/517/18

Original article
doi: 10.17223/15617793/517/18

The use of foreign scientific and production experience in agriculture of the USSR during the "Thaw" period

Aleksandr V. Rychkov¹

¹ Omsk State Technical University, Omsk, Russian Federation, alex-rychkov@mail.ru

Abstract. The article examines the problems of using foreign scientific and production experience in agriculture of the USSR during the "Thaw" period. The sources were archival materials from the collections of the Russian State Archive of Contemporary History, the Russian State Archive of Socio-Political History, the Russian State Archive of Economics, as well as special agricultural literature. The author came to the conclusion that the reason for the Soviet leadership to turn to foreign scientific and production developments was the lack of a well-thought-out program for the development of the agricultural sector. At the same time, the mechanism by which foreign technologies would be harmoniously and massively "integrated" into the Soviet system of management in the agricultural sector was never formed, as a result of which only episodic "inclusions" of elements of Western scientific and production experience into the Soviet planned system of agricultural management took place. In the organizational and scientific sphere, the borrowed management decisions (the cost-accounting procedure for financing agricultural science, the creation of a network of Soviet analogues of "demonstration farms," the transfer of agricultural universities and scientific institutions to rural areas) were not implemented, since they did not take into account the real state of affairs in agriculture, which for a long time occupied a subordinate place in the Soviet economy in relation to the tasks of industrialization, and, as a consequence, its weak material, technical and personnel support. The introduction of specific agricultural measures from foreign agricultural experience (the corn "epic," the "row-crop system" of farming) into production was carried out without taking into account the natural and climatic features of the regions of our country, and the material and technical capabilities of enterprises were not taken into account. As a result, production indicators decreased, environmental problems worsened, and the food supply of the population worsened. Technological development of the industry was limited by the capabilities of Soviet industry, which was becoming increasingly costly and focused on the production of more expensive and capital-intensive equipment, which turned out to be practically incapable of creating machines and mechanisms for specific and diverse agricultural technologies. According to the author, the passion for copying foreign experience had a negative impact not only on the development of agricultural production, but also slowed down the scientific development of the most important problems of the agricultural sector, in particular the soil-protective farming system for virgin lands.

Keywords: agricultural science, agriculture, scientific and production experience, R. Garst, N.S. Khrushchev, USSR

For citation: Rychkov, A.V. (2025) The use of foreign scientific and production experience in agriculture of the USSR during the "Thaw" period. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 517. pp. 164–170. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/517/18

Проблема использования зарубежного научно-производственного опыта при одновременном сохранении отечественного технологического суверенитета, несмотря на важное научное и практическое значение в современных условиях, до сих пор не получила должного освещения в научной литературе. Исследователи, как правило, фокусируют внимание на изучении роли западных промышленных технологий лишь на отдельных этапах развития советской экономики. Прежде всего речь идет о начальном этапе советской индустриализации, когда зарубежный опыт был наиболее востребован: в это время в СССР реализуется комплексная программа «импорта лучшего в мире человеческого капитала и передовых технологий» [1. С. 99–100]. По подсчетам ученых, в период с 1923 по 1933 гг. только в отраслях тяжелой промышленности было заключено 170 договоров с зарубежными фирмами об оказании технической помощи [1. С. 102]. В период послевоенного восстановления народного хозяйства, по оценке ученых, немалую роль сыграли поставки по ленд-лизу, reparациям и использование вывезенной из Германии технической документации [2. С. 72–73].

Одновременно с освоением западных технологий создавалась собственная инженерная школа, что позволило заменить иностранных специалистов на отечественных: с середины 1933 г. начинается процесс последовательного снижения количества привлекаемых иностранных специалистов. Не менее важно и то, что с целью придания процессам технического обновления производства постоянного характера были разработаны действенные нерыночные методы повышения эффективности производства, в основе которых лежала заинтересованность трудовых коллективов в целом – директората, инженерно-технических работников, рабочих – в техническом перевооружении предприятий. В результате чего до середины 1950-х гг. советская промышленность уверенно переходила на интенсивные рельсы. Вот что пишут по этому поводу отечественные ученые-экономисты: «К концу четвертой пятилетки очень быстро росла производительность труда, снижалась себестоимость продукции (на огромную величину в 6–7% ежегодно), улучшалось использование оборудования. Благодаря повышению эффективности производства удавалось обеспечить ежегодное значительное снижение розничных и оптовых цен, успешное выполнение бюджета страны и планов министерств. Можно, таким образом, утверждать, что в последние годы четвертой пятилетки советская экономика твердо стала на путь интенсивного развития» [2. С. 82]. В дальнейшем, в годы пятой пятилетки, при высоких темпах роста производства две трети прироста обеспечивалось за счет повышения производительности труда [2. С. 103]. Именно об этом времени в развитии советской экономики В.С. Высоцкий писал: «Было дело и цены снижали» [3. С. 217].

Казалось бы, что этот успешный опыт заимствования иностранных промышленных технологий мог быть успешно перенесен в другие отрасли советской экономики, в особенности в сельское хозяйство, которое в силу индустриальной ориентации экономиче-

ского развития СССР в довоенные годы остро нуждалось в технологическом развитии. Несмотря на «холодную войну», по мнению специалистов по истории международных отношений, возможности для изучения и освоения зарубежных научно-производственных достижений имелись: «В годы «холодной войны» установка была непростой. Стороны не доверяли друг другу и относились с большим подозрением к действиям как внутри стран-контрагентов, так и на международной арене. Несмотря на это, появлялись моменты, когда можно было решить если не все, то хотя бы небольшие, частные вопросы» [4. С. 299]. Именно сотрудничество в аграрной сфере относилось к таким «частным вопросам», тогда как в других отношениях либо были ограничены, либо вообще заморожены. Инициаторами взаимных поездок по обмену опытом выступили американские фермеры из штата Айова, заинтересованные в сбыте своей продукции. В 1955 г. СССР посетила их делегация, в свою очередь в США и Англию направилась наша представительная делегация, которую возглавил министр сельского хозяйства СССР. Полученная в ходе этих взаимных посещений информация рассматривалась на самом высоком уровне с участием высшего советского руководства и нередко служила основанием для принятия серьезных практических решений. Однако опыт использования зарубежного научно-производственного опыта в советском сельском хозяйстве до сих пор не изучен и не осмыслен. Особенно это относится к периоду «оттепели», когда именно «внешние» влияния оказывали серьезное воздействие на формирование аграрной политики в СССР. Восполнению этого досадного пробела в историографии и посвящен данный материал.

Источниками для написания статьи послужили преимущественно материалы из фондов Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), большинство из которых вводится в научный оборот впервые.

Итак, индустриализации в СССР осуществлялась при активной помощи иностранных технических специалистов, привлечение которых имело системный, массовый и вполне легальный характер, являлось важным направлением государственной политики. Опыт иностранных специалистов тщательно изучался и перенимался, одновременно советские инженеры постепенно замещали иностранцев, при этом формировались чисто советские, нерыночные, плановые механизмы интенсификации промышленного производства. Очевидно, что подобные механизмы могли быть созданы и для аграрной отрасли. Это требовало большего времени, кропотливости и терпения, а также системности и последовательности в проведении необходимых мероприятий, учитывая региональный характер сельскохозяйственного производства, огромные демографические потери в годы Великой Отечественной войны, наиболее затронувшие прежде всего деревню, более низкий образовательный уровень сельских тружеников и т.д. Однако использование зарубежного

научно-производственного опыта в сельском хозяйстве пошло по иному сценарию. Алгоритм действий в этом вопросе обозначил Н.С. Хрущев, заявивший следующее: «Иметь свое и воровать чужое, – от этого вреда не будет, только ловко сделать» [5. Л. 156]. Таким образом, продуманная и организованная работа с иностранными специалистами в предшествующую эпоху была заменена ситуативными, импульсивными, эпизодическими действиями. Более того, в процессе собственных зарубежных поездок, а также при обсуждении результатов командировок наших ученых и производственников в развитые капиталистические страны Н.С. Хрущев постепенно «очаровывался» рыночными западными подходами, в узком кругу критикуя советские методы руководства. Вот, например, как он оценивал деятельность аграрных министерств: «Я подвергаю жесточайшей критике работу Министерства сельского хозяйства и Министерства совхозов. Это какие-то совершенно никчемные органы, не способные к оперативному руководству. Это такие органы, которые сидят и разрабатывают дурацкие положения, которые кроме вреда ничего сельскому хозяйству не дают» [5. Л. 71]. Стремление придать сельскохозяйственному производству регулируемый и плановый характер Н.С. Хрущев называл «глупостью» [5. Л. 200]. Вообще систему руководства сельским хозяйством в СССР он охарактеризовал как «административно-учетное управление, которое никому и никакой пользы сельскому хозяйству не могло принести» [6. Л. 43].

Однако критика советской экономики у Н.С. Хрущева не сопровождалась выработкой какой-либо продуманной программы развития аграрной отрасли. Поэтому вопрос о формировании особого механизма, с помощью которого зарубежные технологии гармонично и в массовом порядке «встраивались» бы в советскую систему хозяйствования в аграрной сфере, просто не стоял. Речь могла идти только об эпизодических «вкраплениях» элементов западного научно-производственного опыта в советскую плановую систему ведения сельского хозяйства. К каким результатам эти «вкрапления» приводили и как они влияли на положение дел в сельском хозяйстве, мы и покажем далее.

Прежде всего западные заимствования коснулись организационно-научной сферы. Побывавшие за рубежом советские ученые и производственники особое внимание обратили на прикладную, производственную ориентацию аграрной науки, ее тесную связь с производством. Были отмечены следующие моменты: ведущая роль научных учреждений в определении стратегии развития сельскохозяйственной отрасли, рыночные механизмы их взаимоотношений с практическими работниками, наличие крупных экспериментальных хозяйств и разветвленной сети «демонстрационных ферм», расположение аграрных колледжей и научных учреждений непосредственно в сельской местности в научных городках [5. Л. 198–199, 202]. Практические действия последовали не сразу, а несколькими годами спустя. Вероятно, промедление это было обусловлено целым рядом факторов. Прежде всего подготовка и проведение XX съезда и принятые

на нем политические решения отодвинули организационно-научные проблемы в аграрной сфере на задний план. К тому же «целинная эпопея» потребовала немалых материальных и финансовых затрат. Не следует забывать, что продолжающаяся «холодная война» также отвлекала значительные средства. Тем не менее в декабре 1959 г. была изменена система финансирования отраслевых научных учреждений. Данная реформа преследовала цель ориентировать ученых на разработку актуальной производственной тематики и мотивировать их на внедрение своих разработок в практику с опорой на материальную заинтересованность. Аграрные научные учреждения обязывались зарабатывать значительную часть средств самостоятельно посредством выполнения исследований по договорам с хозяйствующими субъектами и сельскохозяйственными органами. Большие нагрузки по самофинансированию ложились на опытные станции, которые должны были выполнять прежде всего внедренческие функции, меньшие – на региональные и отраслевые научно-исследовательские институты, ориентированные на теоретические разработки [7. С. 71].

Данный финансовый порядок с отставкой Н.С. Хрущева был упразднен. Сыграла отрицательную роль сама практика внедрения хоздоговорных отношений, которая не привела к повышению экономической заинтересованности ученых. Как правило, на сумму заключенных научными учреждениями договоров автоматически уменьшалось госбюджетное финансирование. Институты же не имели необходимой свободы действий в расходовании полученных от выполнения хозяйственных договоров средств. Не следует забывать, что сама система ценообразования в аграрном секторе советской экономики лишь в незначительной степени допускала наличие хоздоговорных отношений, поскольку цены на сельскохозяйственную продукцию нередко устанавливались ниже ее себестоимости, что должно было обеспечивать доступность продуктов питания для широких слоев населения. В итоге сложилась парадоксальная ситуация, когда многие переведенные на частичный хозрасчет научные учреждения остались без заказчиков. По этой причине в научно-исследовательских институтах и опытных станциях возникла острая нехватка средств на ведение научных исследований, выплату зарплаты сотрудникам, что привело к кадровым сокращениям. Поэтому научные работники считали, что договорная система с хозрасчетными предприятиями необоснованно вводится в социалистической стране и не отвечает природе социалистической системы. Нелишне напомнить, что на рубеже 1950–1960-х гг. и без того сложное положение в аграрной отрасли было усугублено массовым внедрением не оправдавших себя в условиях производства рекомендаций, таких как, например, пропашная система и др.

Не вполне удачным оказался и опыт создания советского аналога западных «демонстрационных ферм». Первоначально эта роль отводилась экспериментальным хозяйствам при научных учреждениях. Однако в начале 1950-х гг. данные хозяйства имелись лишь у 30% институтов и опытных станций [8], к тому же

эти хозяйства были чрезвычайно малы по размерам и своему назначению не отвечали.

Поэтому, начиная с 1959–1960 гг., стала практиковаться передача научным учреждениям крупных совхозов, а в 1961 г. приступили к организации на территории всей страны сети «демонстрационных ферм», получивших у нас название опытно-показательных хозяйств (ОПХ). Количество ОПХ определялось разнобразием сельскохозяйственных зон и хозяйственными задачами региона [9]. В целом по РСФСР планировалось создать 1804 ОПХ, из них 1017 в совхозах, 114 – в экспериментальных хозяйствах опытных учреждений и вузов и 673 – в колхозах [10. Л. 178]. Но материально-техническая база аграрной отрасли была весьма слаба, что выполнить задуманное оказалось сложно. Весьма непростым и затянувшимся во времени оказался вопрос укомплектования ОПХ квалифицированными специалистами, решить который в конечном счете так и не удалось [10. Л. 50]. Организационные трудности в процессе формирования сети опытно-показательных хозяйств, ухудшение ситуации в аграрной отрасли страны в целом привели к свертыванию деятельности ОПХ и после 1962 г. в архивах практически исчезает какая-либо информация о них. Очевидно, непродуманные организационные решения, насаждение в производство научно необоснованных рекомендаций наиболее негативно отразились именно на опытно-показательных хозяйствах. В середине 1960-х гг. без официального решения об упразднении ОПХ штатные расписания в них были приведены в соответствие со штатным расписанием обычных хозяйств, отменены также повышенные оклады специалистов. Позднее, в 1970-е гг., на смену ОПХ в качестве демонстрационных центров пришли базовые хозяйства научных учреждений, по численности значительно уступающие своим предшественникам, но более оснащенные техникой и специалистами.

В 1961 г. в Советском Союзе, ориентируясь на западный опыт, в практическую плоскость была поставлена проблема перемещения аграрных научных и учебных заведений из городов в сельскую местность. Было принято специальное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР об их переводе на базу совхозов, учебно-опытных и экспериментальных хозяйств, которым предусматривалось в целях организации широкого внедрения в колхозах и совхозах достижений сельскохозяйственной науки и передового опыта перебазировать 32 сельскохозяйственных вуза и 42 научно-исследовательских института [11. С. 412–415]. Данное решение свидетельствует прежде всего о непонимании со стороны «оттепельного» советского руководства реального положения дел в сельском хозяйстве, на протяжении длительного времени занимающего в советской экономике подчиненное место по отношению к задачам индустриализации. Долги селу в незначительной мере начали возвращать лишь в 1950-е гг., однако серьезные масштабы этот процесс приобрел только два десятилетия спустя. Поэтому создание аграрных научных центров в сельской местности в начале 1960-х гг. представляется мало возможным. Об этом свидетельствует письмо министра сельского хозяйства СССР

И. Воловченко, направленное в вышестоящие инстанции осенью 1964 г.: «В связи с постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 28 августа 1961 г. 32 сельскохозяйственных вуза в течение 1962–1965 гг. должны быть переведены из городов на земли совхозов и учебно-опытных хозяйств. Фактически будет переведено к концу 1964 г. лишь 8 вузов. При этом указанные вузы на новом месте выстроили лишь здания первой очереди... В связи с тем, что остальные... вузы имеют в городах удовлетворительную учебную базу и расположенные вблизи городов учебно-опытные хозяйства... МСХ СССР просит отменить постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 28 августа 1961 г.» [12]. Отставка Н.С. Хрущева поставила крест и на этом зарубежном «заимствовании».

Нужно сказать, что использование западного аграрного опыта в советском сельском хозяйстве не ограничивалось только лишь организационно-научными аспектами. В исторической литературе исследователи указывают на «западный след» в развертывании печально знаменитой «кукурузной эпопеи» [13. С. 128]. Имеются прежде всего в виду встречи Н.С. Хрущева с энтузиастом кукурузы американским фермером Р. Гарстом, первая из которых произошла в 1955 г. в СССР. И это событие оказало серьезное влияние на направление аграрной политики в стране. Вот что пишут научные-селекционеры Сибири: «В научных учреждениях и опытных станциях Сибири с 1955 г. развернулась большая селекционная работа с кукурузой. Была проведена оценка имеющихся сибирских и привозных сортов и гибридов кукурузы... Была развернута селекционная работа с кукурузой по широкой программе. Была поставлена задача создать новые высокоурожайные, раннеспелые и холодостойкие сорта, гибридные популяции, самоопыленные линии и гибриды» [14. С. 63]. Кукуруза – одна из наиболее распространенных культур в мировом земледелии: среди возделываемых зерновых культур она стоит на первом месте по валовым сборам зерна и занимает второе место по посевным площадям, уступая лишь пшенице. По сравнению с другими кормовыми культурами кукуруза по питательности стоит значительно выше и при соблюдении технологии ее возделывания может обеспечить выход кормовых единиц в 3–4 раза выше других кормовых культур. Поэтому кукурузе стали придавать особое значение как наиболее доступному и дешевому средству повышения производства зерна и корма. Однако в то время селекционеры страны акцентировали внимание на создании позднеспелых гибридов кукурузы как наиболее урожайных, в то время как для холодных регионов страны требовалась раннеспелые гибриды. По этой причине посадки кукурузы на обширных территориях не приносили должного результата, а зачастую приводили и к негативным последствиям, особенно в животноводстве [15. С. 47].

Следует заметить, что проблемы возделывания кукурузы традиционно привлекали внимание отечественных агрономов и ученых, стремящихся распространить посевы этой культуры даже и на такой регион, как Сибирь.

Очевидно, что при кропотливой работе ученых и продуманных действиях производственников можно было достичнуть результата, принципиально отличного от полученного в лихорадочной кукурузной кампании Н.С. Хрущева, ослепленного успехами американца Р. Гарста.

Во время зарубежных командировок в западные страны внимание нашей делегации привлекло техническое оснащение сельскохозяйственного производства. Их впечатлило большое разнообразие техники, позволявшее комплексно механизировать различные как производственные, так и вспомогательные процессы, дававшее возможность наиболее выгодного и правильного подбора машин для различных климатических и природно-хозяйственных условий. Среди советского руководства сторонником большего технического разнообразия механизмов для сельского хозяйства был К.Е. Ворошилов, выразивший свою мысль весьма образно, отметив, что «площадь с четырьмя ногами, но одна длинная, другая короткая» [16. Л. 15]. Он предложил наладить для Смоленской области производство мелких тракторов, объясняя это тем, что на Смоленщине обрабатываемые участки небольшие, разделяемые болотами, реками, перелесками. Позиция Н.С. Хрущева по этому вопросу была более прохладной: «Мы не должны копировать американское машиностроение, ни английское. Американское и английское сельское хозяйство в сравнении с советским сельским хозяйством – это мелкое хозяйство. Наше земледелие крупное и мы должны более правильно использовать свои возможности и их накопленный опыт, но не приспосабливаться к их хозяйству» [16. Л. 17]. Тем не менее была расширена сеть научно-исследовательских учреждений по механизации сельского хозяйства, а в 1956 г. отделы механизации стали создаваться в составе комплексных сельскохозяйственных опытных станций. Однако вновь создаваемые научные подразделения, как правило, были слабо обеспечены кадрами, и их научно-производственная база оставляла желать лучшего. К тому же и советская промышленность приобретала все более затратный характер, была ориентирована на выпуск более дорогой и капиталоемкой техники и оказалась неспособной на более «ювелирную» работу – создание машин и механизмов под конкретные агротехнологии. Вот как описывает сложившуюся ситуацию ученый: «За рубежом, например, технология предполагает определенный набор машин. А у нас – набор машин, весьма скучный к тому же, определяет все технологии. В итоге нет желаемого результата. Вот и все» [17. С. 219].

Важно отметить, что при использовании зарубежного научно-производственного опыта доминировал «западный ветер», но иногда ощущалось дуновение и «ветра восточного». Примером тому служит разработка и внедрение «пропашной системы» земледелия, отравившей чистые пары, которые традиционно считались важнейшим элементом системы ведения сельского хозяйства в нашей стране. Сценарий внедрения «пропашной системы» повторил кукурузную историю. В первом случае мотивирующую роль сыграла встреча Н.С. Хрущева с американским фермером Р. Гарстом в

1955 г. в СССР, позднее – поездка советского лидера в США в кукурузный штат Айова в 1959 г., а дальше произошло «освящение» кукурузного проекта Н.С. Хрущева авторитетом науки. В случае с «пропашной системой» – это поездка советского лидера в 1958 г. в Китай, ознакомление с беспаровым земледелием в этой стране, а затем подтверждение «озарений» Н.С. Хрущева со стороны сервильных ученых. И уже в 1959 г. «пропашная система» объявлена как самая передовая, способная в несколько раз увеличить производство растениеводческой продукции [18]. Далее сам советский лидер становится главным агитатором и пропагандистом своей же пропашной «новации»: «Чем меньше чистых паров, тем лучше. Если их совсем не будет и будет хороший урожай обеспечен, – это самое лучшее!» [19. Л. 32]. И опять начатая в 1962 г. кампания по массовому внедрению «самой передовой» системы терпит крах. Полезно привести мнение современного ученого-аграрника о причинах этого краха: «Основной причиной неудач при освоении пропашной системы был шаблонный подход к ней без учета природно-климатических и материально-технических возможностей. Многие хозяйства, пытавшиеся освоить пропашную систему, не были готовы к этому технически, поэтому не смогли обеспечить необходимый уровень интенсивности полеводства» [20. С. 66].

Увлечение копированием зарубежного опыта не только негативно сказывалось на развитии сельскохозяйственного производства и осложняло продовольственную ситуацию в стране, но и тормозило научную разработку важнейших проблем аграрной отрасли. Так, в частности, произошло с разработкой почвозащитной системы земледелия для целинных районов. Хорошо известно, что в первые целинные годы использовались агроприемы, оправдавшие себя в Европейской части СССР, но совершенно не подходящие для степных засушливых районов Юга Урала, Сибири и Казахстана, что привело к массовой эрозии почвы. Однако уже в 1958 г. учеными были предложены мероприятия по рациональному ведению хозяйства на новых землях.

В первую очередь предполагалось внедрить безотвальную обработку почвы без уничтожения стерни и без оборота пласта в качестве средства борьбы с эрозией, а также чистые пары как наиболее радикальное средство накопления влаги, избавления полей от сорной растительности, болезней и вредителей сельскохозяйственных культур [21]. В последующие годы рациональная система земледелия уточнялась, дорабатывалась и совершенствовалась, но не внедрялась, так как Н.С. Хрущева не устраивало ее несоответствие как «пропашной системе» земледелия, так и ведению полеводства у неоднократно упомянутого американца Р. Гарста. На совещании работников сельского хозяйства Казахстана в ноябре 1961 г. советский лидер заявил следующее: «Здесь выступал т. Бараев. Если тов. Бараева поставить в условия капиталистические, он, конечно, не выживет одного года, потому что его сразу сомнут и в грязь затопчут. Разве может он соревноваться с Гарстом, который получает на каждом гектаре определенное количество, а у него суслики бегают на 32 процентах пахотных земель. Естественно, нельзя

соревноваться, потому что невозможно» [19. Л. 25]. Напомним, А.И. Бараев – один из авторитетнейших в СССР ученых, удостоенный за разработку почвозащитной системы земледелия Ленинской премии. Понятно, что подобная позиция советского лидера, талантливо сдобренная изрядной долей демагогии, означала запрет на использование в целинных районах рациональной системы земледелия, поскольку важным звеном этой системы являлись чистые пары. И только после отставки Н.С. Хрущева началось широкое внедрение почвозащитной системы земледелия на целине.

Конечно, неверным было бы считать описанные выше события как «навеянные» только зарубежным научно-производственным опытом. Внутри страны как ученые, так и производственники понимали необходимость перемен в аграрной отрасли, указывали на низкий уровень ее научного обеспечения, оторванность науки от нужд сельскохозяйственного производства, предлагали варианты решения проблем.

Таким образом, увлеченность советского «оттепельного» руководства, прежде всего Н.С. Хрущева, зарубежным научно-производственным опытом не

принесла пользы сельскохозяйственному производству. Заимствованные научно-управленческие решения (хозрасчетный порядок финансирования аграрной науки, создание сети опытно-показательных хозяйств, запланированный перевод аграрных вузов и научных учреждений в сельскую местность) свидетельствовали об отсутствии у советских лидеров системных представлений о реформировании аграрной отрасли, поэтому эпизодические импульсы не привели, да и не могли привести к положительному результату. Внедрение в производство конкретных агромероприятий из зарубежного аграрного опыта (кукурузная «эпопея», «пропашная система» земледелия) осуществлялось без учета природно-климатических особенностей регионов нашей страны, не принимались во внимание и материально-технические возможности предприятий. В результате снижались производственные показатели, обострялись экологические проблемы, ухудшалось продовольственное снабжение населения. По свидетельству академика А.Н. Каштанова, «хрущевская «оттепель» выходила сельскому хозяйству и всем, кто с ним связан, боком, экономическим «морозом» и засухой» [22. С. 134].

Список источников

1. Галушка А.С., Ниязметов А.К., Окулов М.О. Кристалл роста к русскому экономическому чуду. М. : Наше завтра, 2021. 360 с.
2. Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время : в 2 т. Т. 1: Экономика СССР в конце 30-х годов – 1987 год. Новосибирск : НГТУ, 2008. 516 с.
3. Высоцкий В.С. Я, конечно, вернусь: Стихотворения, песни, проза. М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.
4. Протопопов А.С., Козьменко В.М., Елманова Н.С. История международных отношений и внешней политики России (1648–2000). М. : Аспект Пресс, 2001. 344 с.
5. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 52. Оп. 1. Д. 253.
6. РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 386.
7. Рычков А.В. «Сельское хозяйство без всяких научных схем само себя поднимет...» // Вопросы истории. 2019. № 6. С. 64–72.
8. Российский государственный архив экономики. Ф. 7486. Оп. 9. Д. 574. Л. 132.
9. Сельская жизнь. 1961. 21 февраля.
10. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 556. Оп. 22. Д. 310.
11. Справочник партийного работника. Вып. 4. М. : Госполитиздат, 1963. 736 с.
12. РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 22. Д. 475. Л. 63–65.
13. Горлов В.Н. Первый официальный визит главы Советского Союза в США: шаг на пути к взаимопониманию // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : История и политические науки. 2020. № 4. С. 124–132.
14. Ильин В.С., Ильин И.В. История селекции кукурузы в Сибири // Сборник научных работ, посвященных 170-летию Сибирской аграрной науки. Т. II: Селекция и семеноводство, механизация. Омск : Фрактал, 1998. С. 61–67.
15. Манякин С.О. Сибирь далекая и близкая: Записки партийного работника. М. : Политиздат, 1985. 286 с.
16. РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 252.
17. Милащенко Н.З. Поле нашей жизни // Время Манякина. Воспоминания. М. : Омское землячество в Москве, 2011. С. 211–220.
18. Сельское хозяйство. 1959. 1 декабря.
19. РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 381.
20. Неклюдов А.Ф. Развитие научных основ севооборотов в Западной Сибири // Сборник научных работ, посвященных 170-летию Сибирской аграрной науки. Т. I: Земледелие, животноводство, экономика. Омск : Фрактал, 1998. С. 62–70.
21. Сельское хозяйство. 1958. 4 сентября.
22. Каштанов А.Н. Нас подружила омская земля // Время Манякина. Воспоминания. М. : Омское землячество в Москве, 2011. С. 129–140.

References

1. Galushka, A.S., Niyazmetov, A.K. & Okulov, M.O. (2021) *Kristall rosta k russkemu ekonomicheskemu chudu* [The Crystal of Growth toward the Russian Economic Miracle]. Moscow: Nashe zavtra.
2. Khanin, G.I. (2008) *Ekonomicheskaya istoriya Rossii v noveyshee vremya* [Economic History of Russia in Modern Times]. Vol. 1. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University.
3. Vysotskiy, V.S. (2001) *Ya, konechno, vernus': Stikhotvoreniya, pesni, proza* [I Will, of Course, Return: Poems, Songs, Prose]. Moscow: EKSMO-Press.
4. Protropov, A.S., Koz'menko, V.M. & Elmanova, N.S. (2001) *Istoriya mezhdunarodnykh otnosheniy i vnesheiny politiki Rossii (1648–2000)* [History of International Relations and Foreign Policy of Russia (1648–2000)]. Moscow: Aspekt Press.
5. *Russian State Archive of Contemporary History (RGANI)*. Fund 52. List 1. File 253.
6. *Russian State Archive of Contemporary History (RGANI)*. Fund 52. List 1. File 386.
7. Rychkov, A.V. (2019) "Sel'skoe khozyaystvo bez vsyakikh nauchnykh skhem samo sebya podnimet..." ["Agriculture will raise itself without any scientific schemes..."]. *Voprosy istorii*. 6. pp. 64–72.
8. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 7486. List 9. File 574. Page 132.
9. *Sel'skaya zhizn'*. (1961) 21 February.
10. *Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI)*. Fund 556. List 22. File 310.

11. Bugaev, Z.I. (ed.) (1963) *Spravochnik partiynogo rabotnika* [Handbook of a Party Worker]. Vol. 4. Moscow: Gospolitizdat.
12. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 556. List 22. File 475. Pages 63–65.
13. Gorlov, V.N. (2020) Pervyy ofitsial'nyy vizit glavy Sovetskogo Soyuza v SShA: shag na puti k vzaimoponimaniyu [The first official visit of the head of the Soviet Union to the United States: a step towards mutual understanding]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istorija i politicheskie nauki*. 4. pp. 124–132.
14. Il'in, V.S. & Il'in, I.V. (1998) Istorya selektsii kukuruzy v Sibiri [History of corn breeding in Siberia]. In: *Sbornik nauchnykh rabot, posvyashchennykh 170-letiyu Sibirskoy agrarnoy nauki* [Collection of Research Papers Dedicated to the 170th Anniversary of Siberian Agrarian Science]. Vol. 2. Omsk: Fraktal. pp. 61–67.
15. Manyakin, S.O. (1985) *Sibir' dalekaya i blizkaya: Zapiski partiynogo rabotnika* [Siberia, Far and Near: Notes of a Party Worker]. Moscow: Politizdat.
16. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 52. List 1. File 252.
17. Milashchenko, N.Z. (2011) Pole nashey zhizni [The field of our life]. In: *Vremya Manyakina. Vospominaniya* [Manyakin's Time. Memories]. Moscow: Omskoe zemlyachestvo v Moskve. pp. 211–220.
18. Sel'skoe khozyaystvo. (1959) 1 December.
19. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 52. List 1. File 381.
20. Neklyudov, A.F. (1998) Razvitiye nauchnykh osnov sevooborotov v Zapadnoy Sibiri [Development of the scientific foundations of crop rotation in Western Siberia]. In: *Sbornik nauchnykh rabot, posvyashchennykh 170-letiyu Sibirskoy agrarnoy nauki* [Collection of Research Papers Dedicated to the 170th Anniversary of Siberian Agrarian Science]. Vol. 1. Omsk: Fraktal. pp. 62–70.
21. Sel'skoe khozyaystvo. (1958) 4 September.
22. Kashtanov, A.N. (2011) Nas podruzhila omskaya zemlya [The Omsk land made us friends]. In: *Vremya Manyakina. Vospominaniya* [Manyakin's Time. Memories]. Moscow: Omskoe zemlyachestvo v Moskve. pp. 129–140.

Информация об авторе:

Рычков А.В. – канд. ист. наук, доцент кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета (Омск, Россия). E-mail: alex-rychkov@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Rychkov, Cand. Sci. (History), associate professor, Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: alex-rychkov@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.12.2024;
одобрена после рецензирования 07.08.2025; принята к публикации 29.08.2025.

The article was submitted 12.12.2024;
approved after reviewing 07.08.2025; accepted for publication 29.08.2025.